

ИСТОРИЯ ФИНАНСОВ И УЧЕТА

А. Л. Дмитриев

канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного экономического университета; доцент кафедры экономической кибернетики Санкт-Петербургского государственного университета

ПЕРВЫЕ ШАГИ В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ ЦЕННОСТИ И ПОЛЕЗНОСТИ В РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА¹

Введение

Истории развития теории ценности в российской экономической литературе в XIX — начале XX в. в отечественной историографии посвящено немного работ. Отдельные сюжеты с идеологическим марксистским уклоном были рассмотрены в фундаментальной работе «История русской экономической мысли» (История..., 1960), а также нашли свое отражение в книгах И. Г. Блюмина (Блюмин, 1940), В. М. Штейна (Штейн, 1948), Н. А. Цаголова (Цаголов, 1956), Н. С. Шухова (Шухов, 1994), Н. С. Шухова и М. П. Фрейдлина (Шухов, Фрейдлин, 1996), а также в недавней работе Й. Цвайнерта (Цвайнерт, 2007). Значительная часть работ экономистов XIX в. была охвачена Х.-Ю. Серафимом в его труде «Новая русская теория ценности и процента» (Seraphim, 1925). Эта книга до сих пор остается лучшей зарубежной работой по истории экономической науки России второй половины XIX — начала XX в. Марксистская теория ценности нашла в России большое число сторонников, но это все же не было всеохватывающим процессом². Проникновение концепций зарубежной экономической мысли на протяжении первой половины XIX столетия происходило весьма сложно: наблюдалось отставание отечественной экономической науки. Ситуация стала меняться во второй половине 1870-х гг. после масштабных реформ Александра II. Как справедливо отмечал в 1908 г. В. К. Дмитриев, «интерес к вопросам теоретической экономики, — в частности к проблеме ценности, впервые пробуждается в русском обществе и литературе лишь в 60-х годах прошлого столетия» (Дмитриев, 2001, с. 473). Рассмотрим, как в этот период развивалась теория ценности и цены в свете проникновения идей западной политической экономики.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 133888.2012.

² Как отмечал И. И. Левин (1887—1945), известный за рубежом как Дж. Нормано, официальная версия того, как марксистское учение проникло в Россию, хорошо известна: «Однако гораздо менее понятно, почему эта теория явилась столь привлекательной для российской интеллигенции» (Нормано, 2010, с. 432). Со ссылкой на Н. Бердяева он указывал, что научный марксизм соответствовал устремлениям России в ее поисках общественного идеала и был связан с серьезным кризисом русской интеллигенции, потрясением основ ее мировоззрения (Там же, с. 433).

Предыстория: ранние работы

В первой половине XIX в. в российской экономической науке почти нет представителей субъективной и объективной концепций ценности, если не считать работу Т. Ф. Степанова (1795—1847) «Записки политической экономии» (1844): в этот период мы наблюдаем повторение идей английской и отчасти французской политической экономии. В работе А. И. Бутовского (1814—1890) «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» (1847), в которой автор определял ценность полезностью и редкостью добывания предмета и выводил «запрос» (т. е. спрос) из потребности, предложение из «препятствий», а «препятствия» из редкости и трудности. Бутовский находился под сильным влиянием идей А. К. Шторха (1766—1835) о внутренних и внешних благах и местами в своей работе просто пересказывал основные идеи Шторха и А. Смита. Кроме того, на него большое влияние оказали работы французского ученого Б. Ш. Дюнуайе, на которые он ссылается¹. «Понятие ценности, — писал Бутовский, не должно смешивать с тем, что можно назвать *сравнительною важностию полезности*. Последнее, в применении к данному предмету, всегда будет зависеть от его потребительности², или способности служить к удовлетворению потребности более или менее настоятельной» (Бутовский, 1847, с. 11—12). По мнению Бутовского, если полезность есть «качество независимое от ценности, то ценность, напротив, есть качество высшей степени подчиненное полезности», последняя «может существовать отдельно во множестве предметов, никакой ценности не имеющих или ее утративших» — «ценность исчезает, едва прекратится полезность или потребительность предмета, в котором она оказалась» (Бутовский, 1847, с. 13). Механизм образования ценности Бутовский определял следующим образом: «с одной стороны полезность, с другой — трудность добывания — вот два условия, из совокупности которых в каком-либо предмете образуется ценность: ее не может быть там, где нет одного из этих условий» (Там же)³. Бутовский вводил и понятие меновой ценности, отмечая, что «приобретенные полезности», способные к обмену, «по недостатку ценности прямой или потребительной, всегда имеют для владельца ценность косвенную или меновую» (Там же, с. 15). Меновая ценность любых благ, по Бутовскому, находится всегда в «прямом содержании к запросу (т. е. спросу. — А. Д.) и в обратном к предложению» (Там же, с. 23). Позже И. В. Вернадский в «Очерке истории политической экономии» (1858) рекомендовал работу Бутовского лишь как наиболее полное изложение взглядов Б. Дюнуайе (Цвайнерт, 2007, с. 137).

В работе И. Я. Горлова (1814—1890) «Начало политической экономии» (1859) на первый план был выдвинут «субъективный момент»: пределы, в которых колеблются цены, определялись жертвами, на которые способны владельцы вещей, и достатком этих владельцев. К субъективному подходу приблизился и П. Ф. Лилеев (наст. фамилия Лилиенфельд-Тааль) (1829—1903) в работе «Основанные начала политической экономии» (1860). Несмотря на то что он считал, что в «нормальном состоянии» ценность определяется стоимостью производства и косвенно трудом, он уделял много внимания вопросу о потребности и полезности. Из потребностей он довольно наглядно выводил соотношение между спросом

¹ О влиянии идей Шторха на российскую экономическую мысль см. нашу статью: (Дмитриев, 2012).

² Термин А. Бутовского.

³ Отметим, что вскоре после выхода в свет работы Бутовского она была подвергнута подробному разбору резкой критике со стороны В. А. Милютин в ведущих журналах того времени «Отечественные записки» (1847. Т. 60) и «Современник» (1847. № 10—12). Досталось и построениям Бутовского в отношении ценности и полезности (Милютин, 1946, с. 419—420).

и предложением, изображая, как они исчезают параллельно с удовлетворением потребностей. «Для окончательного обменного предмета спрос и предложение прекращаются, они, так сказать, сходят с рынка, точно так же, как потребленный предмет выходит из числа полезных», — писал Лилеев (Лилеев, 1860, с. 72).

Важным шагом вперед в отечественной экономической литературе стали работы И. В. Вернадского (1821—1884). Еще в работе 1849 г. «Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX в.», излагая учение А. Дженовези, Вернадский отдавал предпочтение субъективной теории ценности и констатировал: «Закон спроса и предложения есть общий закон цен» (Вернадский, 1849, с. 117), но уже в «Проспекте политической экономии» (1858) он отмечал, что политическая экономия «есть по преимуществу теория труда или теория ценности» (Вернадский, 1858, с. 1).

Последователи трудовой теории ценности появляются в 1860-х гг. Одним из первых выступил И. И. Кауфман (1848—1916). В студенческой работе (!), подписанной «Г. Кауфман», «Теория колебания цен по историческим исследованиям об этом предмете» (1866) он, в частности, доказывал, что состояния дороговизны и дешевизны есть состояния патологические, а естественная цена выражает нормальное состояние экономики. Заимствуя у Д. Рикардо идею естественной цены, Кауфман придавал ей другую окраску. «Естественную цену» в своей работе он выводил из объективных состояний экономики, а самым важным началом в хозяйстве называл производство. «В колебании цен, — писал Кауфман, как и во всяком колебании, мы различаем три пункта: центральный, около которого она колеблется, и два крайних, которые составляют пределы, между которыми она колеблется. Эти-то два крайних пункта, достигая которых цена становится то выше, то ниже естественной, не имеют определенного положения и могут находиться дальше или ближе от центральной... Ту высоту, до которой цена достигает, когда она выше естественной, называют дороговизной, а когда она ниже естественной — дешевизной» (Кауфман, 1866, с. 31). Ниже Кауфман доказывал, что состояние дороговизны и дешевизны — «патологические» состояния, а естественная цена выражает «нормальное» состояние. Таким образом, несмотря на то что у Кауфмана идея «естественной цены» заимствована у Рикардо, он придал этой идеи окраску, которой не было у самого автора.

В работе «История политической литературы XIX столетия» (1871) Ю. Г. Жуковский (1833—1907) подчеркивал, что «неравенство предложения спросу в каждом частном случае уже должно указывать на несоответствие в самой стоимости производства» и что «нарушение равновесия между спросом и предложением может служить только термометром, указывающим на повышение или понижение стоимости производства» (Жуковский, 1871, с. 355). В 1870 г. была опубликована работа И. И. Иванюкова (1844—1912) «Экономическая теория Маклеода», в которой содержась подробная критика теории спроса и предложения британского экономиста Г. Маклеода. Книга Маклеода «Основания политической экономии» была переведена на русский язык в 1865 г., и его теория достаточно долгое время заставляла о себе говорить российских экономистов, относившихся к ней очень враждебно. Не остался в стороне и Иванюков, представляя верхом несообразности мнение, что если в Петербурге сукно дороже, чем в Лондоне, то, стало быть, в Петербурге спрос на сукно выше, чем в Лондоне (Иванюков, 1870, с. 23). В работе «Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений» (1886), не носящей полемикаческого характера, он подробно анализировал и пропагандировал теорию спроса и предложения Дж. С. Милля.

В 1869 г. в Варшаве посмертно вышла книга М. Грабовского (1804—1863) «Критический разбор некоторых вопросов политической экономии», в которой

мы видим сильное влияние А. К. Шторха. «Полезность, — отмечал Грабовский, есть произведение одной способности души — ума; ценность, произведение другой способности души — воли. Сперва мы имеем действие начала обобщающего, потом действия начала индивидуального» (Грабовский, 1869, с. 39). Любой предмет сам по себе не является ценностью, он делается таким только по отношению к воли индивида. Таким образом, ценность может производить каждый, но ценность и полезность не совпадают. Почти цитируя Шторха, Грабовский писал, что политическая экономия есть теория ценности, а ценность, в свою очередь, есть знание потребностей и нужд человека в сфере полезного. Источник различия ценности и полезности заключается в тех силах и способностях, которые действуют и проявляются на рынке.

Отметим, что Н. Х. Бунге (1823—1895) в работе «Основания политической экономии» (1870) выступил с идеей, согласно которой ввиду большой сложности причин теория ценности не может быть построена *дедуктивным путем*. Констатируя, что ценность есть мерило богатства, Бунге считал, что ценность выражает количественные отношения между промениваемыми произведениями и эти отношения определяются «конкретной ценностью известного количества золота или серебра, заключающегося в монете, и принимаемого за единицу», в результате мерило ценности и ее измерение были бы точны в том случае, если между ценностью и условиями ее возникновения существовало бы постоянное и правильное соотношение, но поскольку ценность «зависит от потребностей и от препятствий, встречаемых при удовлетворении потребностей, то ни единица, принятая для измерения ценности, не может быть постоянной, неизменяемой величиной, ни отношение между условиями образования ценности и самою ценностью не может представлять соразмерности» (Бунге, 1870, с. 38). Отметим, что в начале своей работы Бунге приводит источники, на которых был написан его труд: наряду с именами представителей классической школы А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса, Дж. Мак-Куллоха, Дж. С. Милля мы видим как представителей немецкой исторической школы (К. Рау, Ф. Листа, В. Рошера и др.), так и французских ученых (Ж.-Б. Сэя и П. Росси), а также А. К. Шторха.

В 1872 г. М. Волков в работе «Разъяснение рациональных оснований политической экономии», основываясь на идеях французских ученых К. Гарнье, Ф. Бастиа, Б. Дюнае, Д. Курсель-Сенеля, определив понятие «полезность» как свойство предметов доставлять удовлетворение, указывал, что «предметы обмениваются, на основании их ценной полезности» и всякий предмет, «предоставленный обмену, приобретает ценность» (Волков, 1872, с. 14—15). При этом подчеркивалось, что научное понятие о ценности — отвлеченное, оно подчиняется «вычислениям и строго-логическим рассуждениям», тогда как понятия о пользе, удовлетворении — неопределенны и непостоянны. Следовательно, на них «нельзя основать ничего истинно-научного» (Там же, с. 15). Так как обмениваются одни только полезности, то только они одни могут иметь ценность, а всякая полезность, по мысли автора, должна быть непременно в то же время ценностью. В случае же «естественных благ», которые еще не присвоены, полезность существует, а ценность — нет. Интересно замечание Волкова относительно так называемых невещественных полезностей (обнародованные мысли, изобретения, открытия и т. п.). Для них «обмен и выражающая его ценность не имеют никакой причины существования» (Там же, с. 19). В «монополии авторов» не сами мысли подвергаются обмену, а их вещественное явление — «размер пользы мысли», которую оно представляет, выражает или передает.

Изложение и развитие идей *субъективизма* можно обнаружить в работе А. Я. Антоновича (1848—1917) «Теория ценности. Критико-экономическое исследование» (1877). В предисловии к своей работе он отмечал, что «вопрос

о ценности — основной вопрос в политической экономии; от такого или иного решения его зависит решение почти всех остальных вопросов этой науки. Такое значение вопроса о ценности понимали все экономисты, а некоторые из них даже сливали границы его с границами самой экономической науки» (Антонович, 1877, с. 1). Являясь сторонником теории спроса и предложения Т. Мальтуса, Антонович полагал, что против этого варианта теории бессильна критика британского экономиста Г. Торнтона. Он прекрасно понимал, что цену можно вывести, не опираясь на принцип издержек производства, из принципа «сравнительной нуждаемости в чужом продукте». Но в этом принципе он усматривал выражение антагонизма, а высшей общественной формой считал такую, при которой «сравнительная нуждаемость» в чужом продукте перестает влиять на меновые пропорции и уступает место «взаимной нуждаемости». Характеризуя известную ему отечественную литературу, Антонович констатировал, что «из русских экономистов мы не можем указать ни одного, учение о ценности которого заслуживало бы внимания, как учение самостоятельное» (Антонович, 1877, с. 4). Исключением, по мнению Антоновича, выступали только М. Грабовский и И. И. Кауфман.

В 1880-х гг. наравне с большой популярностью идей Д. Рикардо наблюдается более сильное влияние идей К. Маркса. В работе Н. И. Зиберы (1844—1888) «Давид Рикардо и Карл Маркс» (1885) много места занимает критика идей Г. Маклеода с позиций рикардианства. С его точки зрения, спрос и предложение служат выражением начала «хозяйственной войны»: «Маклеоду понадобилось дать одно общее название продаже добровольной, т. е. такой, где количество размениваемых продуктов определяется сообразно нейтральному элементу, и продаже вынужденной, т. е. такой, которая равносильна захвату чужой вещи» (Зибер, 1885, с. 23).

В период с 1860-х по 1880-е гг. политическая экономия в России приобрела вполне определенную национальную окраску. Так, концепции английской политической экономии, которые ранее усваивались механически, были преобразованы: устранен присущий им элемент фритредерства, и таким образом возник своеобразный социально-окрашенный российский классицизм. Он продолжал проявляться и в 1890-х гг.

В 1883 г. вышла в свет книга Н. Н. Коссовского «Теория денежного обращения. Ценность и цена», в которой наряду с рассуждениями, направленными против дедукции из психологических предпосылок, можно встретить указание на необходимость более детального изучения теории спроса и предложения.

Отношение к теории ценности, сходное с тем, что наблюдалось ранее, можно найти и в работах ученых 1880—1890-х гг. Это прежде всего работы В. П. Воронцова (1847—1918) («Очерки теоретической экономии» (1895)), А. И. Чупрова (1849—1908) («Курс политической экономии» (издан в 1914 г.)), А. А. Исаева (1851—1924) («Начала политической экономии» (1895)), Л. В. Федоровича (1853—1908) («Теории политической экономии» (1901) и Л. В. Ходского (1854—1919) («Политическая экономия в связи с финансами» (1887)).

Среди российских экономистов этого периода заметно выделялся киевский профессор Д. И. Пихно (1853—1913)¹ — сторонник теории спроса и предложения. Пихно был одним из первых в России экономистов, кто обратил пристальное внимание на работы А. Маршалла. На его исследованиях почти не отразилось вли-

¹ В историко-экономической литературе давно сформировалось понятие «киевская школа», которая условно объединила И. В. Вернадского, Н. Х. Бунге, Д. И. Пихно, А. Д. Билимовича по принадлежности к Университету св. Владимира в Киеве. Одним из последних представителей этого направления был В. В. Новожилов. Видимо, одним из первых, кто предложил такое наименование, был Х.-Ю. Серафим (Seraphim, 1925, S. 38—39).

ание учения о предельной полезности. Элементами спроса, согласно его концепции, выступают желания покупателя, определяемые потребностью, степенью годности и трудностью приобретения. Элементы предложения основаны на желании отчуждения, определяемые целями производства, физическими и экономическими свойствами отчуждаемого продукта, организацией производства и трудностью сбыта (Пихно, 1890, с. 34). «Сознание ценности возникает сначала у отдельного лица, оценивающего годность вещи или услуги и трудность ее приобретения с точки зрения своих потребностей и индивидуальных условий ее приобретения. Такая индивидуальная оценка создает *индивидуальную ценность*. Если это знание, в силу общности человеческих потребностей и окружающих человека условий, становится сознанием общественным, т. е. если годность вещи и трудность ее приобретения признаются обществом, то ценность превращается в *общественную*» (Пихно, 1890, с. 131). По мнению Пихно, ценность может также рассматриваться или субъективно (годность вещи или услуги и трудность приобретения для отдельного лица или группы лиц), или объективно (годность известной вещи для определенной цели и трудность приобретения для лица или группы сравнительно с другими ценностями). В соответствии с этим можно различать субъективную ценность (одна книга имеет для одного лица большую ценность, чем другая) и объективную (чернозем имеет большую ценность, чем песок, березовые дрова большую, чем ольховые, и т. п.). Практически все вещи и услуги, признанные общественными ценностями, имеют общие свойства, состоящие в их годности и трудности приобретения, но одновременно они служат для различных потребностей — в этом кроется их способность обмениваться друг на друга, и таким образом «общественная ценность» может стать «ценностью меновой». Последняя, по Пихно, как «способность годностей к обмену», получает свое выражение в известных количествах всех других годностей, на которые обменивается. Такое обозначение одной ценности через другую ценность называется *ценой*. Поскольку все ценности получают свое общепринятое выражение в определенных количествах товара (посредника или денег), то слово «цена» употребляется преимущественно в смысле денежной цены. Позже его современник В. К. Дмитриев отмечал, что работы Пихно представляли «в некотором роде сводку» всего, что высказывалось по вопросу теории спроса и предложения разными представителями этой теории, но они не давали объяснения анализируемого явления (Дмитриев, 2001, с. 249).

Одним из последних представителей «русского классицизма», по мнению А. С. Шора, был А. А. Мануйлов (1861—1929). В его лице это направление вынуждено было реагировать на появление теории предельной полезности. Указав на проблему связи между ценой и деньгами, как на слабое место теории предельной полезности, и отметив, что эта теория нашла критика в лице Макферлена, Мануйлов отстаивал учение английских классиков. Но в отличие от экономистов 1860—1880-х гг. он не выдвигал против новой теории спроса и предложения аргументов, которыми оперировали противники старой теории. Даже в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона он подчеркивал: «явление ценности в народном хозяйстве не может быть объяснено при помощи элементарных законов», и указывал что, как и трудовая теория ценности, теория предельной полезности одинаково оперирует «вне всякой социальной атмосферы» (Мануйлов, 1903, с. 327).

Таким образом, подавляющее большинство отечественных экономистов в вопросах теории ценности в конце XIX в. воспроизводили учения зарубежных экономистов XIX столетия, но это создало почву для появления самостоятельных работ.

Первые самостоятельные теории

Между тем во второй половине 1880-х гг. российскую экономическую науку стали активно проникать идеи маржинализма. Если первоначально речь шла о простом пересказе этих идей, то со временем, в начале XX в., наблюдается создание собственных теорий (В. С. Войтинский, Е. Е. Слуцкий, М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве, А. Д. Билимович и др.). Одно из первых подробных изложений теории предельной полезности было сделано в 1890 г. молодым М. И. Туган-Барановским (1865—1919), где он обратил внимание на согласование принципа предельной полезности и трудовой ценности (Туган-Барановский, 1890). Несмотря на то, что эта статья Туган-Барановского была больше пересказом основных идей Г. Госсена, У. С. Джевонса, К. Менгера, Ф. фон Визера, Э. Бём-Баверка, он заключал, что «теория предельной полезности не только не составляет опровержения взглядов Рикардо и Карла Маркса, но, что наоборот, эта теория, правильно понятая, составляет неожиданное подтверждение учения о ценности названных экономистов. Менгер и его школа исследовали субъективные причины ценности, Рикардо и его последователи — объективные. До работы Менгера можно было думать, что оценка блага по его хозяйственной полезности не соответствует оценке того же блага по трудовой стоимости последнего. Теория предельной полезности доказывает, что оба принципа оценки находятся между собой в согласии, которое тем более, чем в большей мере распределение народного труда подчиняется хозяйственному принципу» (Туган-Барановский, 1890, с. 228). Современник Туган-Барановского — В. К. Дмитриев считал, что данная статья Туган-Барановского была первой попыткой «пробить брешь в той стене, которую отгородилась русская экономическая наука от вторжения всяких “новшеств” с Запада» (Дмитриев, 2001, с. 476).

В 1893 г. в Казани вышла первая часть работы В. Ф. Залесского (1861—1922) «Учение о происхождении прибыли на капитал» — «Учение о ценности». В этой работе автор, опираясь на работы зарубежных ученых (прежде всего Г. Спенсер, Э. Бём-Баверк, В. Рошер и А. Вагнер), сформулировал свою оригинальную теорию ценности. Рассмотрим основные положения его концепции.

Сущность человека, по мнению Залесского, находится в тесной зависимости от окружающей природы. Так, некоторые объекты внешнего мира могут оказывать отрицательное влияние на человека. Существует категория объектов, которые могут вступать с человеческим организмом во взаимодействие «для целей существования его благоприятное» (Залесский, 1893, с. 1). Полезность, по мнению Залесского, есть такое *взаимоотношение* между человеческим организмом и объектами внешнего мира, которое делает возможным вступление их во взаимодействие между человеческим организмом и объектами внешнего мира. «Полезность, — писал Залесский, признается нами как свойство, качество вещей. Это явствует из того, что полезность — понятие, отвлеченное от физических свойств объектов внешнего мира, так что и представляться нам это понятие должно как свойство этих объектов, тем более, что и физические свойства объектов внешнего мира на самом деле вовсе не свойства, а лишь признаются нами как таковые, будучи до известной степени продуктом нашей психической деятельности» (Там же, с. 1—2). Далее Залесский указывал на то, что «свойства» и «качества» в природе не существуют — существуют лишь материя и энергия, которые подчиняются законам вечности и сохранения. Свойства же лишь приписываются людьми отдельным предметам и явлениям внешнего мира. Прочитав Г. Спенсера из «Оснований психологии», Залесский писал что «полезность есть такое взаимоотношение между человеческим организмом и внешним миром, которое де-

лает мыслимым вступлением их во взаимодействие, для целей существования человека благоприятное» (Там же, с. 3).

Ценность, по Залесскому, как и полезность, есть качество, свойство известных объектов. «В науке, — писал Залесский, вопрос о том, есть ли ценность свойство данного объекта или нет, подробно не разбирается, но большинство ученых склонны думать, что полезность есть свойство объектов, а ценность — отношение между имеющим полезность объектами и человеком» (Там же, с. 5). В качестве примера он приводит известную работу Э. Бём-Баверка «Основы ценности хозяйственных благ», в которой утверждается, что субъективная ценность есть то значение, которое предмет имеет для человека, А. Вагнер говорит, что ценность не есть свойство вещи, а В. Рошер предполагает, что полезность есть свойство предмета, а ценность — результат человеческого суждения. Такой подход не удовлетворял Залесского. Он утверждал, что ценность есть в той же мере свойство объектов, как и полезность, поскольку, как и последняя, осознается в виде свойства, качества объектов. При этом понятие «ценность» есть подчиненное понятию полезности. Поскольку полезность осознается как качество, то ценность, как производное от полезности, должна, по Залесскому, также осознаваться в виде свойства, качества вещей.

Как справедливо отмечал В. Я. Железнов (1869—1933), книга Залесского не «имела успеха и не оказала влияния на дальнейшее развитие экономической науки в России» (Железнов, 2003, с. 284).

Одним из первых к систематической разработке идей теории предельной полезности приступил Р. М. Орженцкий (1863—1923) в работе «Полезность и цена» (1895). Он требовал распространения выводов теории предельной полезности на случай обмена между двумя лицами. Эти идеи нашли свое отражение в работе «Учение об экономическом явлении. Введение в теорию ценности» (1903), где указывалось, что экономическая ценность является проекцией человеческих чувств на объект, а элементом общества выступает индивидуум.

В работе «Полезность и цена» Орженцкий демонстрирует хорошее знание новейшей для того времени экономической литературы по данному вопросу: имеются ссылки на работы К. Менгера, Э. Бём-Баверка, Ф. фон Визера, Р. Ауспица и Р. Либена, В. Матайя, С. Патена. Он обращал пристальное внимание на работу итальянского ученого Р. Салерно, пытавшегося органически слить теорию полезности с теорией труда. Так, Орженцкий, следуя за работой К. Менгера, рассматривал процесс осуществления меновой сделки между двумя лицами A и B . По существу, в этой работе приводилась формализация идей К. Менгера. Рассмотрим более подробно построения Орженцкого.

Если полезность определенного количества товара для лица A обозначить через u , а получаемого через v , то обмен между лицами невозможен, когда $u = v$. Если количество отдаваемых товаров задано и равно t и известны шкалы сравнительного значения потребностей для лица A , известна полезность u , то всегда можно найти то количество единиц полезности предметов R , которое соответствует полезности v . Если обозначить это количество через r , то обмен будет невозможен при меновом соотношении $t : r$. Возможность обмена появится только тогда, когда «полезность отдаваемого бесконечно мало разнится от полезности получаемого» (Орженцкий, 1895, с. 28), т. е. когда выполняется неравенство $u < v + dv$, где dv — некоторое бесконечно малое приращение полезности v . Полезность $v + dv$ будет соответствовать уже не количеству r единиц полезности предметов R , получаемых в обмен на данное количество t других предметов T . Максимум получаемых в обмен предметов должен удовлетворять условию: полезность количества товара для лица B должна быть меньше полезности для него t предметов хотя бы на бесконечно малую величину. Если полез-

ность t предметов равна u_1 , то полезность наибольшего количества предметов R , которое индивид согласится отдать в обмен на t , не должна быть больше величины $u_1 + du_1$, где du_1 — некоторая бесконечно малая величина. Если положить, что полезность u_1 предметов T равна полезности v_1 предметов R , а $u_1 - du_1 = v_1 - dv_1$. Если известна шкала потребностей индивида B , то с помощью нее можно найти, что полезности u_1 соответствуют r_1 предметов R , а полезности $u_1 - du_1$ количество $r_1 - dr_1$. Эти величины и представляют собой максимум единиц полезных предметов R , получаемых в обмен на данное количество t предметов T . Отсюда, делал вывод Орженцкий, между двумя пределами $r + dr$ (минимум) и $r_1 - dr_1$ (максимум) и будут колебаться меновые отношения данных предметов. То количество других предметов, которое обменивается на единицу данных полезных предметов, и называется *ценой*. Следуя идеям Бём-Баверка, Орженцкий отмечал, что с помощью обмена полезные предметы, «кроме способности удовлетворять потребности непосредственно», получают способность удовлетворять потребности путем обмена на другие предметы. В зависимости от количества полезных предметов может находиться не только потребность, удовлетворяемая данным количеством полезных предметов, но и потребность, удовлетворяемая другими полезными предметами, получаемыми в обмен на заданное количество полезных предметов. В результате, подчеркивал Орженцкий, известное количество данных предметов получает «новую особую степень полезности, соответствующую полезности получаемых в обмен товаров». Эту полезность он предлагал назвать *меновый*, в отличие от первоначальной — *потребительной* (Орженцкий, 1895, с. 29). Как отмечает Дж. Нормано, Орженцкий и Залесский восприняли учение австрийской школы, причем на Орженцкого, несомненно, повлияли идеи А. Маршалла (Нормано, 2010, с. 397).

В «Пособии к элементарному изучению политической экономии» (1900) Орженцкий противопоставлял монополию конкуренции и отказывался от трактовки ценности исключительно через субъективный момент. В последующей работе он выдвигает новую идею — ценность, имеется в виду хозяйственная величина, которая является проекцией человеческих чувств на объект. Элементом же общества выступает индивид (Орженцкий, 1903, с. 308, 357). В работе «Учение о ценности у классиков и канонистов» (1897) он пришел к мысли, что непосредственное влечение к объектам в том виде, как оно овладевает человечеством в отдельные моменты, привело бы к оценкам, совершенно не соответствующим тем, о которых говорит теория предельной полезности, и это, в свою очередь, породило бы неустойчивость цен. Для этого он обращает внимание на опыт, который научил человека не поддаваться моментальным движениям чувств, под которыми понимается личный индивидуальный опыт.

В более поздних работах Орженцкого понятие «опыт» значительно модифицировалось — вместо опыта отдельного индивида он предлагал использовать опыт «общественного слоя». Способность к экономически правильным оценкам не просто выткана из самой природы индивида, а является следствием сложного биологического и культурно-исторического процесса (Орженцкий, 1914, с. 200). Такая постановка вопроса позволила Орженцкому, несмотря на присущий ему гипертрофированный скептицизм, сохранить приверженность теории предельной полезности и одновременно пропагандировать эмпиризм в экономических исследованиях.

Между тем работы Орженцкого в процессе распространения идей предельного анализа в России все-таки не сыграли той роли, которую выполнила работа С. Л. Франка (1877—1950) «Теория ценности Маркса» (1900). Хотя в работе Франка только в 5-й главе «Субъективная теория ценности» приведено краткое изложение учения о ценности с позиции теории предельной полезности, значе-

ние этой работы состоит в том, что автор выступил с резкой критикой марксизма, ссылаясь на теорию предельной полезности, как господствующее учение в европейской экономической литературе (Франк, 1900)¹.

В феврале 1902 г. на заседании Киевского физико-математического общества с докладом «Аналитическое доказательство предложенной г. Туган-Барановским политико-экономической формулы: предельные полезности свободно произведенных продуктов пропорциональны их трудовым стоимостям» выступил преподаватель Киевского политехнического института Н. А. Столяров (1870—?)². Этот доклад был вызван серией «Очерков из истории политической экономии» М. И. Туган-Барановского, публиковавшихся в журнале «Мир Божий» в 1901—1902 гг., вышедших затем одной книгой. Очерк, посвященный учению австрийской школы, привлек внимание Столярова (Туган-Барановский, 1901). Наиболее состоятельной из теорий, объясняющей процесс оценки товара, по мнению Столярова, выступает концепция австрийской школы. Туган-Барановский сформулировал теорему: «если производство руководится основным хозяйственным принципом — стремлением к достижению с наименьшей затратой наибольшей суммы хозяйственной пользы, — то *отношение предельных полезностей (свободно) произведенных продуктов и их трудовых стоимостей — равны*»³ (Столяров, 1902, с. 4). Существование определенной связи между полезностью предметов хозяйства и их ценностью на первый взгляд представляется почти очевидным с точки зрения «простого здравого смысла, неиспорченного никакой теорией». Однако при более внимательном рассмотрении проблем ценности такая точка зрения приводит к «неразрешимым противоречиям». «Как, в самом деле, объяснить... то обстоятельство, что предметы, полезность которых не подлежит ни малейшему сомнению, не имеют никакой цены... а другие, полезность которых невелика... ценятся дорого?» — ставил вопрос Столяров. Разобрав определенную ущербность в теории предельной полезности и теории трудовой ценности К. Маркса и К. Родбертуса, Столяров на основе психологического закона М. Вебера и Г. Фехнера о непропорциональности количеств раздражителя и раздражения, разбирал понятие полезности. По его мнению, необходимо произвести строгое различие между абстрактной полезностью любой части запаса данного блага, которая для любой равной части предмета одинакова и между конкретной полезностью определенной части продукта, употребленной на удовлетворение той или другой действительной потребности. Такая конкретная полезность различна в зависимости от того, на удовлетворение какой потребности (более или менее важной) пошла данная часть. При небольших запасах продукта человеку свойственно употреблять его прежде всего на удовлетворение неотложных надобностей, «действительная польза которых велика», а с увеличением запаса продукта его новые количества пойдут на удовлетворение все менее и менее важных потребностей (потребность при этом становится все ниже и ниже). Столяров, давая строгое определение предельной полезности израсходованной единицы запаса блага, ориентировался на определения У. Джевонса (*final degree of utility*) и Ф. фон Визера (*Grenznutzen*).

Столяров объяснял, что с математической точки зрения проблема может быть сведена к следующему. Для удовлетворения существующей потребности производится n различных продуктов, количество каждого из них измеряется

¹ В статье, опубликованной двумя годами ранее, Франк, излагая теорию предельной полезности, был еще противником этого направления (Франк, 1898).

² Видимо, первым кто, обратил внимание на эту работу Столярова, был Н. С. Шухов (История..., 1966, с. 169; Шухов, Фрейдлин, 1996, с. 266).

³ Позже эта теорема дала возможность ряду экономистов причислить Туган-Барановского к школе синтеза теории предельной полезности и трудовой ценности.

собственной единицей и обозначается $x_1, x_2, \dots, x_n$. Трудовая стоимость соответствующих единиц равна $T_1, T_2, \dots, T_n$, а общая хозяйственная польза данного количества каждого продукта выражается функциями $u_1(x_1), u_2(x_2), \dots, u_n(x_n)$. Требуется определить соотношение между количествами $x_1, x_2, \dots, x_n$ при каких бы то ни было частных значениях этих количеств, если «производство ведется целесообразно, т. е. руководствуется стремлением к наибольшей сумме хозяйственной пользы». В этом случае задачу можно свести к формальному виду. Столяров предложил обозначить через N количество затраченных единиц труда (трудовые стоимости отдельных продуктов):

$$T_1x_1 + T_2x_2 + \dots + T_nx_n = N. \quad (\text{A})$$

Суммарная хозяйственная польза всего количества произведенных предметов будет равна $U = u_1(x_1) + u_2(x_2) + \dots + u_n(x_n)$, причем для каждого данного момента производства не все n переменных независимы, что видно из уравнения (A). Количества $x_1, x_2, \dots, x_n$ должны быть такими, чтобы удовлетворялось уравнение (A), а функция U стремилась бы к максимуму. Следовательно, задача приобретает вид нахождения максимума функции: $W = U + \lambda(T_1x_1 + T_2x_2 + \dots + T_nx_n)$ при условии (A). Используя метод множителей Лагранжа, Столяров показал, что решение данной задачи будет иметь вид

$$\lambda = \frac{u'_1(x_1)}{T_1} = \frac{u'_2(x_2)}{T_2} = \dots = \frac{u'_n(x_n)}{T_n}, \quad (\text{B})$$

где $u'_1(x_1), u'_2(x_2), \dots, u'_n(x_n)$ — предельные полезности соответствующих благ.

Решая совместно уравнения (A) и (B) для каждого момента времени, можно определить значения $x_1, x_2, \dots, x_n$ и доказать теорему, сформулированную Туган-Барановским. По существу, Столяров расширил границы анализа: ввел в неявном виде «народно-хозяйственную» функцию полезности и показал возможность применения оптимизационной процедуры для такой функции. Очевидно, это было шагом вперед в развитии теории ценности.

Важное значение для дальнейшего развития теории ценности в России имела работа В. К. Дмитриева (1868—1913) «Экономические очерки» (1904)¹. Несмотря на то, что она была мало доступна для тогдашней аудитории из-за используемого математического аппарата, она привлекла внимание ряда ученых². Известно, что в первом очерке, посвященном теории ценности Д. Риккардо, Дмитриев дал общую систему уравнений для определения относительных ценностей товаров, среди которых — несколько продуктов потребления рабочих, и показал, что их число может быть сколь угодно большим. Доказав ее принципиальную разрешимость относительно неизвестных, Дмитриев, как справедливо подчеркнул П. Н. Клюкин, дал своему современнику Н. Н. Шапошникову возможность отметить, что в «небогатой сокровищнице» чистой экономической науки добавилась новая теорема — теорема Дмитриева (Клюкин, 2001, с. 34).

В этой работе третий очерк был посвящен подробному изложению развития теории предельной полезности в зарубежной литературе. Дмитриев, хорошо знакомый с учениями Ф. Галиани, К. Лаунгардта, Г. Госсена, Л. Вальраса, Ж. Дюпюи, Д. Бернулли, Р. Ауспица, Р. Либена, У. Джевонса, Дж. Кэрнса и др., дает подробное изложение их учений. Это было чрезвычайно важно для российской экономической науки, поскольку в концентрированном виде излагались

¹ Отдельные части «Очерков» были опубликованы в 1898 и 1902 гг., а затем вышли под одной обложкой.

² О В. К. Дмитриеве и его работе см. обстоятельное исследование П. Н. Клюкина в предисловии к переизданию этой работы в 2001 г. (Клюкин, 2001).

все основные учения о ценности и полезности, созданные в XIX столетии. В третьей главе очерка Дмитриев делал разбор психологических оснований теории предельной полезности. Отметив, что анализ типов кривых полезности выходит из области политической экономии, подчеркивал, что для экономиста совершенно безразлично, какую форму принять для этих кривых: от этого зависят все выводы, к которым приходят в учении об установлении рыночной ценности. В связи с этим Дмитриев призывал экономистов весьма осторожно относиться к связи учения о предельной полезности с психофизическим законом Вебера и Фехнера, поскольку на практике невозможно установить «никакой правильной зависимости» между удовольствием и объемом блага (Дмитриев, 2001, с. 281). Он подчеркивал, что неверно основывать форму кривых полезности на законах, установленных математиками прошлого века (Г. Бюффон, Д. Бернулли, П. Лаплас). Обратившись к известной работе Бернулли о «петербургском парадоксе» 1738 г., Дмитриев отмечал: «Следует помнить, что закон, установленный Бернулли, касается лишь роста психического довольства при росте общей покупательной силы субъекта, а не запаса определенного потребительного блага» (Там же, с. 284—285).

Как отмечал Д. Нути в предисловии к английскому изданию книги В. К. Дмитриева в 1974 г., «сегодня, когда бушуют споры между школами, делающими различный акцент на относительной роли индивидуального выбора и макроэкономических отношений, попытка Дмитриева осуществить “органический синтез теории ценности (value) и теории предельной полезности” — наиболее актуальное напоминание о необходимости рассмотрения аспектов теории цен и распределения, которыми пренебрегает как одна, так и другая школа» (Нути, 2001, с. 507).

Заключение

Отметим, что в статье «Россия», посвященной развитию экономической мысли в XIX — начале XX в. и опубликованной на немецком языке в 1927 г., В. Я. Железнов подчеркивал, что в теорию ценности русские экономисты внесли мало оригинального и судьба этой теории в России была «странной»: «Задолго до того как марксистское движение стало разворачиваться в России, почти все выдающиеся русские экономисты, за исключением не имеющих влияния представителей либеральной школы, были в отношении теории ценности марксистами» (цит. по: Железнов, 2003, с. 285). С этим утверждением автора трудно согласиться: приведенный выше разбор показывает, что вторая половина XIX в. прошла под знаком своего рода впитывания различных зарубежных концепций теории ценности, что, в свою очередь, уже в начале XX столетия дало свои плоды — стали появляться не только оригинальные работы (В. С. Войтинский, А. Д. Билимович, П. Б. Струве), но и создавались новые концепции, некоторые из которых (Е. Е. Слуцкий) вошли в мировое наследие. Но это — следующий этап развития отечественной экономической науки. Кроме того, освоение западных идей привело к попыткам формализации вербальных теорий и созданию того, что принято называть «экономико-математическое направление» в российской экономической мысли, которое было в конце XIX в. достаточно слабым, но в уже в начале столетия весьма окрепло¹ (см.: История..., 1966, с. 164; Белых, 2007).

¹ По большому счету понятие «математическая школа» не совсем верно. Математика давала возможность более компактно и четко записать постановку экономической задачи, которая ранее ставилась лишь вербально.

Источники

- Антонович А.* Теория ценности. Критико-экономическое исследование. Варшава, 1877.
- Бельх А. А.* История российских экономико-математических исследований. Первые сто лет. 2-е изд., доп. М., 2007.
- Блюмин И. Г.* Очерки истории экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.; Л., 1940.
- Бунге Н. Х.* Основы политической экономии. Киев, 1870.
- Бутовский А. И.* Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. СПб., 1847. Т. 1.
- Вернадский И.* Проспект политической экономии. СПб., 1858.
- Вернадский И. В.* Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX в. М., 1849.
- Волков М.* Разъяснение рациональных оснований политической экономии. М., 1872.
- Грабовский М.* Критический разбор некоторых вопросов политической экономии. Варшава, 1869.
- Дмитриев А. Л.* Идеи и труды А. К. Шторха в России // *Финансы и бизнес.* 2012. № 2. С. 159—170.
- Дмитриев В. К.* Теория ценности. (Обзор литературы на русском языке) // *Дмитриев В. К.* Экономические очерки. М., 2001.
- Дмитриев В. К.* Экономические очерки. М., 1904.
- Железнов В. Я.* Россия // *Историки экономической мысли России.* В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановский, В. Я. Железнов. М., 2003. С. 264—297.
- Жуковский Ю. Г.* История политической литературы XIX столетия. СПб., 1871. Ч. 1.
- Залесский В. Ф.* Учение о происхождении прибыли на капитал. Казань, 1893.
- Зибер Н. И.* Давид Риккардо и Карл Маркс. СПб., 1885.
- Иванюков И. И.* Экономическая теория Маклеода. СПб., 1870.
- История русской экономической мысли.* М., 1960. Т. 2. Ч. 2.
- История русской экономической мысли.* М., 1966. Т. 3. Ч. 1.
- Клюкин П. Н.* «Экономические очерки» В.К. Дмитриева: опыт «органического синтеза» или прелюдия к посттрудовой теории ценности? // *Дмитриев В. К.* Экономические очерки. М., 2001. С. 23—46.
- Лилеев И.* Основанные начала политической экономии. СПб., 1860.
- Мануйлов А. А.* Ценность // *Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон.* СПб., 1903. Т. 38. С. 326—330.
- Милютин В. А.* Избр. произведения. М., 1946.
- Нормано Дж.* [Левин И. И.] Дух российской экономической науки // *Левин И. И.* Акционерные коммерческие банки в России. М., 2010.
- Нути Д. М.* Введение к английскому изданию «Экономических очерков» // *Дмитриев В. К.* Экономические очерки. М., 2001. С. 507—534.
- Орженецкий Р. М.* Полезность и цена. Политико-экономический очерк. Одесса, 1895.
- Орженецкий Р. М.* К вопросу о природе хозяйственных явлений и метод их изучения // *Юридический вестник.* 1914. Кн. 5. С. 196—209.
- Орженецкий Р. М.* Пособие к элементарному изучению политической экономии. 1900.
- Орженецкий Р. М.* Учение об экономическом явлении. Введение в теорию ценности. 1903.
- Пихно Д. И.* Основания политической экономии. Киев, 1890.
- Столяров Н.* Аналитическое доказательство предложенной г. Туган-Барановским политико-экономической формулы. Киев, 1902.
- Туган-Барановский М. И.* Очерки из истории политической экономии. Австрийская школа // *Мир Божий.* 1901. № 12. С. 201—218.
- Туган-Барановский М. И.* Учение о предельной полезности благ, как причине их ценности // *Юридический вестник.* 1890. Т. 6. Кн. 2. С. 213—219.
- Франк С.* Психологическое направление в теории ценности // *Русское богатство.* 1898. Кн. 8.
- Франк С. Л.* Теория ценности Маркса. СПб., 1900.
- Цаголов Н. А.* Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956.
- Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России. 1805—1905. М., 2007.
- Шор А. С.* Теоретические проблемы спроса и предложения. Одесса, 1918.
- Штейн В. М.* Очерки истории русской экономической мысли XIX — XX веков. Л., 1948.
- Шухов Н. С.* Ценность и стоимость (опыт системного анализа). М., 1994. Ч. 2.
- Шухов Н. С., Фрейдлин М. П.* Математическая экономия в России. 1865—1995. М., 1996.
- Seraphim H.-J.* Neure russische Wert- und Kapitalzinstheorien. Berlin; Leipzig, 1925.